


**DANUTA SZYMONIK** <https://orcid.org/0000-0003-0671-6619>

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
Wydział Humanistyczny
Instytut Polonistyki i Neofilologii
08-110 Siedlce
ul. Żytnia 39
d.szym@op.pl

**ЖИЗНЬ МАТВЕЯ КОЖЕМЯКИНА
МАКСИМА ГОРЬКОГО: РЕФЛЕКСИИ
ПО ПОВОДУ ЖАНРА**

**THE LIFE OF MATVEI KOZHEMYAKIN
BY MAXIM GORKY: REFLECTING
ON THE GENRE**

В статье рассматривается проблема жанра повести/романа Максима Горького *Жизнь Матвея Кожемякина* (1911). Автор статьи считает жанр повести синтетическим, ибо в произведении обнаруживаются черты многих жанров, составивших единое художественное целое. В нем можно отыскать родство с древними летописями/сказаниями, с дневником, а также с несколькими романскими разновидностями: с историческим, общественно-бытовым и семейным романами. Вслед за Ежи Ленарчиком, Иво Поспишилом и др. исследователями, автор статьи считает жанровой доминантой произведения семейную хронику, так как во многих горьковских произведениях важное место занимала «семейная мысль», требующая соответствующего ей жанрового оформления.

Ключевые слова: Максим Горький, *Жизнь Матвея Кожемякина*, жанр, сага.

The paper takes up the problem of the genre of Maxim Gorky's novel/novella *The Life of Matvei Kozhemyakin* (1911). The author of the article finds the discussed work synthetic in terms of genre, indicating features of various genres (annals, saga, autobiography, several varieties of the novel, including historical, social, and family novel) which form in it a harmonious artistic whole. Following the interpretations of Jerzy Lenarczyk, Ivo Pospíšil and other scholars, the author of the article puts forward the family saga as the predominating generic component and emphasizes that "the family idea" (*mysl semeinaia*) influenced many of Gorky's works and shaped their generic structure.

Keywords: Maxim Gorky, *The Life of Matvei Kozhemyakin*, genre, family saga.

Историческая категория жанра, несмотря на попытки разрушения традиционных форм, до сих пор остается актуальной. До сегодняшнего дня не исчерпали себя такие эпические жанры, как: роман, рассказ и повесть. Чаще всего это формы, составляющие разновидности того или иного канонического жанра. Такова повесть Максима Горького *Жизнь Матвея Кожемякина* (1911)¹. Попытки определения жанровых особенностей произведения ведут исследователя к нескольким, сложившимся в прошлом жанрам. Несомненно в нём можно отыскать родство с древними летописями, в которых даётся погодное описание истории русских земель и городов (Киевская, Новгородская и др. летописи). Подобно древним летописцам, главный горьковский герой ведёт записи, в которых запечатлевает события, происходящие в провинциальном городе Окурове². Одновременно фамилия героя вызывает ассоциации с древнерусским богатырём Никитой Кожемякой, побеждающим змея. Горьковский Матвей Кожемякин ведёт борьбу не с драконом, а с всё поглощающими скукой, тоской и унынием. Кроме элементов жанра древнерусской летописи, в произведении Горького можно заметить и элементы древнеисландской саги; и на этом вопросе нам хотелось бы остановиться более подробно. Целесообразность обращения к архаическому понятию обосновывает Джон Голсуорси в авторском предисловии к роману *Saga o Форсайтах*:

Несмотря на гигантский рост и кровожадность, которыми наделяет предание героев древних саг, они по своим собственническим инстинктам были очень сродни Форсайтам³

– пишет автор известного романа, указывая при этом на другую особенность, связывающую героев викторианской эпохи с легендарным временем, он имеет в виду родовой инстинкт, семью и чувство собственности, играющее важную роль, несмотря на попытки разубеждения в нем.

В современных словарях и энциклопедиях определение сага рассматривается прежде всего в контексте древнеисландской саги. На применение термина по отношению к современной литературе указывается крайне редко. В польско-язычном *Словаре литературных терминов*, под ред. Януша Славинского читаем: „Współcześnie mianem sagi określa się utwory epickie, zwłaszcza powieści osnute wokół dziejów rodziny” (np. *Saga rodu Forsyteów* J. Galsworthy’ego)⁴.

¹ Стоит отметить, что автор, не без основания, называл *Жизнь Матвея Кожемякина* романом. Однако литературоведы относят это произведение к разряду повестей.

² Как известно повесть *жизнь Матвея Кожемякина* вошла в состав *Окуровского цикла*.

³ Д. Голсуорси, *Saga o Форсайтах: Собственник*. Перевод Н. Волжиной, Изд. «Известия», Москва, 1958.

⁴ *Słownik terminów literackich*, ред. J. Sławiński, Wrocław 1998, с. 495.

На наш взгляд, нити связующие жанр семейного романа или же семейной хроники (оба термина функционируют в литературоведческом обиходе) с древней сагой довольно крепкие. В одиннадцати-томной *Литературной Энциклопедии* говорится о том, что древние саги

являются то семейными хрониками, охватывающими судьбу нескольких поколений, то своеобразными бытовыми «романами», то небольшими повестями об отдельных событиях (кровавой расправе, интересном судебном процессе). Традиционная С. есть достояние рода, и если даже она передает биографию одного героя, то всегда сообщает генеалогические сведения; эта манера перешла и в фантастическую С. Вскоре исландские рассказчики переходят от узких островных интересов к сюжетам более широкого исторического значения (исторические С., напр. об Олафе Триггвасоне, Олафе Святом и пр.)⁵.

Приведенную цитату можно дополнить еще одним энциклопедическим замечанием:

Проза С. отличается простотой и ясностью (меткие сжатые характеристики, лаконичский диалог); она почти совершенно лишена риторических украшений; но в переводных сагах замечается влияние куртуазного стиля⁶.

Из выше сказанного следует, что древняя сага – жанр неоднородный и помимо своей специфики он приобретал разные формы, варианты которых появляются и в более поздней литературе, в том числе и в русской письменности.

Наши исследования русского семейного романа (саги) серебряного века доказывают, что это жанр смежный и синтетический, соединяющий в одно художественное целое многие романские разновидности, в которых доминирует именно сага (семейный роман по определению Михаила Бахтина). В жанровой структуре повести/романа *Жизнь Матвея Кожемякина*, «семейная мысль» играет немаловажную роль, соединяясь с биографической, бытовой и общественно-исторической линиями.

Надо отметить, что насчет этого вопроса в литературоведении бытуют и другие точки зрения. Например Александра Семёнова связывает *Жизнь Матвея Кожемякина* с житийной литературой, точнее житиями святых⁷.

⁵ *Литературная энциклопедия: в 11-ти т.*, Москва: Художественная Литература 1937, т. 10, с. 476–479.

⁶ Там же.

⁷ А. Семёнова, *Трансформация древнерусской агиографической традиции в повести М. Горького «Жизнь Матвея Кожемякина»*, [в:] *Сопряжение идей... Сопряжение смыслов... Сборник статей*, Великий Новгород 2015, с. 56–65.

Хотя позиции российской исследовательницы кажется дискуссионной, то с некоторыми её положениями несомненно можно согласиться.

В свою очередь чешский исследователь, Иво Поспишил, такие произведения, как *Жизнь Матвея Кожемякина*, *Детские годы Багрова внука Сергея Аксакова*, роман Михаила Салтыкова-Щедрина *Пошехонская старина*, и др. относит к жанру русской романной хроники, выдвигая на первый план элементы, являющиеся контаминацией хроники с романом. Доминирующую функцию в структуре хроники признаёт Поспишил хронотопу, который однако, как сам отмечает, не позволяет точно определить границы жанра. Исследователь отдаёт себе отчёт в том, что главные сюжетно-тематические линии связаны со сменой поколений и в связи с этим высказывает мысль, что романная хроника может быть исходной точкой для формирования романа поколений. Роман-хроника/романическая хроника/романная хроника относятся, по его мнению к кластеру пограничных жанров, стоящих на грани *fact end fiction*, литературы факта/документальной литературы и художественной литературы, которые трудно дифференцируются, как например, мемуары, автобиографический роман, роман-эссе и т.д.⁸

Романы М. Горького к такому кластеру скорее не подходят, так как они принадлежат к разряду чисто художественной литературы. И так, в *Жизни Матвея Кожемякина* автор изображает семейную историю на фоне русской провинции и важных исторических сдвигов. «Хроникальные» записи главного героя о жизни Окурова – это, прежде всего, художественный прием, «формальный миметизм», (определение польского теоретика литературоведения – Михала Гловинского), обогативший романное повествование, но и послуживший изображению, не только провинциального быта, но и характеристике главного героя, его мыслей и эмоций (здесь налицо связь с древними летописцами).

В фигуре отца Матвея – Савелия Кожемякина, Горький изобразил типичного представителя мещанского сословия, предпринимателя, человека твёрдого характера и воли. Эти черты выделяют его среди объятых маразмом и атрофией населения русского провинциального города. Недоверие, даже некоторое презрение к горожанам приводит к изоляции семьи, выражающейся в повести описанием расположения дома:

Дом стоял боком на улице, два его окна были скрыты от любопытных глаз и решёткою, а двор огражден забором и крепкими воротами на дубовых верях⁹.

⁸ I. Pospišil, *Powieść-kronika. Materiały do słownika rodzajów literackich*, „Zagadnienia Rodzajów Literackich” 1991, z. 1, s. 121 i in. Ср. тоже, I. Pospišil, *Ruska romanova kronika (prispevek k historii a teoriji žanru)*, Brno 1983.

⁹ М. Горький, *Собрание сочинений в тридцати томах*, Москва 1970, т. 9, с. 131–132. Страницы последующих цитат будем обозначать в главном тексте, в скобках.

Расположение дома, это своего рода метафора отчуждённости семьи Кожемякиных, в частности главного героя, принадлежащего к сословию, с которым в начале XX века связывалось будущее России. Отстраненность героя от окружающего мира ведёт к непониманию общественно-исторических событий, а также непониманию самого себя. Обособленность героя можно объяснить также генетическим фактором. Мать Матвея, отличаясь усиленной религиозностью; после продолжительного мистического экстаза она расстаётся с семьей и уходит в монастырь, сделав единственным сына почти полным сиротой (отец мало им интересуется). В зрелые годы Матвей, пытаясь преодолеть своё сиротство, старается приблизиться к окуривцам. В этой связи в произведении обозначена чёткая оппозиция – город мифологизируется – это место счастливое и желанное, дом уютный, чуждый: «простор комнат пустынен и сумрак их холоден» (120). Положительная оценка города героем, перекликается с авторским нарративом, экстернализирующим чувства героя:

Медленно проходя мимо этой мирной жизни, молодой Кожемякин ощущал зависть к ее тихому течению. Ему хотелось подойти к людям, сидеть за столом с ними, слушать обстоятельные речи» (214).

Или:

Он полюбил ходить на Петухову горку, это было приятное место: маленькие домики, дружно связанные плетнями стоят смирно и смотрят в тихое поле... (215).

В очередных фрагментах горьковского произведения дана переоценка изображаемого. Образ города подвергается деконструкции, в новом измерении предстаёт также дом Кожемякиных, открывающий свои двери для новых веяний, о чем герой пишет в своем дневнике:

Так все дни, с утра до поздней ночи в тихом доме моём неутомно гудит басок, блестит лысина, растекаются тают облака пахучего дыма и светло брызжут из старых уст яркие новые слова (415).

Приведенный пассаж из записей Матвея, явно подтверждает поставленный в начале статьи тезис о том, что это не столько хроникальные записи, сколько художественное осмысление образа изменяющейся русской действительности.

Поэтика трансформации в изображении Окурова и семейного гнезда Кожемякиных сильно связаны в повести со структурой времени. Надо

отметить, что до момента поселения в доме Кожемякина новых людей, герой находится в состоянии скуки, закоснелости и апатии. Внутреннее состояние героя отражает авторский нарратив, в котором подчёркивается медленное течение времени и сонные, похожие друг на друга дни. Своего рода цезурой биографии героя является семейное бедствие/катастрофа – смерть близких: отца, мачехи и Пушкаря. По причинно-следственному принципу изображения событий (что характерно для жанра саги), утрата семьи ставит героя в совершенно новую ситуацию и требует существенных изменений в его жизни. В их следствие в произведении появляются сигналы ускорения времени. Прежнее «сонное» бытие главного героя сменяется активным образом жизни, он, во что бы то ни стало, старается наверстать упущенное. Дом, построенный на окраине становится центром обмена мыслями и жизненным опытом представителей разных общественных групп. Можно сказать, что периферийное расположение дома теряет свой прежний смысл, теряет черты свойственные восемнадцати и девятнадцати-вековым родовым гнездам. Границы дома раздвигаются, и он становится обобщающим образом русской провинции, зоной исторических событий, относящихся к конкретному этапу русской истории. Перенесение акцента из семейного в общественно-исторический план, совершается в произведении Горького, именно, благодаря ревалвации/переоценке функции дома. Такая художественная стратегия отражала мировоззрение автора в 10-е годы XX века, опережающее послереволюционные устремления новой власти к снижению роли дома и семьи, как факторов, являющихся гарантией сохранения и защиты главных человеческих ценностей.

С утверждением революционных настроений следует связывать и отрицательную оценку русской дореволюционной провинции. Провинциальный город Окуров, выступающий сначала со знаком плюс, в результате переоценки получает знак минус: «Красив подлец! А напоминает вора на ярмарке – снаружи разодет, а внутри одни пакости» (430). Такие «антиурбанистические» взгляды были характерны для литературы не только русского, но и европейского модернизма. Но в *Жизни Матвея Кожемякина* имеем дело с провинциальным, заштатным городом, не похожим на большие города. Горький скорее подчёркивает «деревенскость» этого полусельского городка. В концепции писателя Окуров – это обобщающий образ русской одурманенной и темной провинции. Не случайно, с его образом созвучно в повести изображение русской деревни: «А вдали, точно разинутая пасть, полная неровных гнилых зубов надвигалась на него [Матвея – Д. Ш.] улица деревни» (344). В этом небольшом пассаже представлены симптомы болезни не только русской провинции, но и болезни души главного героя, который не успел включиться в поток исторического времени. Тем не менее

к концу своего земного существования герой обретает утраченное время: и дорожа каждым часом усердно заполняет свои тетради описанием окурившей жизни и суждениями о ней. Своего рода «мостом», соединяющим Матвея с текущей жизнью является молодая постоялка, Люба Матушкина. Как можно предполагать имя и фамилия героини не случайны, они заполняют глубокую лагуну в жизни героя, лишённого материнской ласки, тепла, заботы и любви.

Знаменательна сцена смерти Матвея, оживлённая полным движением и звуков майским утром:

Ветер вздыхал, перекликались зорьки, трепетали вершины деревьев, страшивая росу, – в чуткой тишине утра каждый звук жил отдельной жизнью и всё сливалось в благодарный солнцу шепот (603).

Приведенное описание находится в оппозиции по отношению к изображённому в горьковской «саге» хронотопу и является пантеистическим преклонением перед неизменной природой. Смысл, введённой в авторское повествование картины природы, многозначен: вместе с уходом человека жизнь продолжается, она даже сильнее о себе заявляет. С другой стороны, пробуждающаяся после зимнего сна природа – символ новой лучшей жизни, в которую, как можно предполагать, верил тогда «неуловимый» Горький.

Обращаясь к жанровым признакам горьковской повести, следует еще раз подчеркнуть ее связь с семейной хроникой, изображающей в данном случае два поколения одного рода. Его история представлена в произведении в двойном освещении: повествователя и главного героя, личность которого формировалась в стихийной атмосфере побоев и скандалов, а также под влиянием нетрадиционного семейного уклада. Матвей воспитывается без матери, контакты с отцом, можно сказать являются случайными. Единственный друг его детства – бывший солдат – Пушкарь¹⁰.

Фигура главы семьи представлена в произведении отнюдь не светлыми красками:

Отец – человек высокий, тучный с большой рыжей и круглой, как на образе Максима Грека бородою, с красным носом. Его серые глаза смотрели неласково и насмешливо, а толстая нижняя губа брезгливо отвисала. Он двигался тяжело, дышал шумно и часто ревел на стряпуху и рабочих страшным сиплым голосом. Матвей долго боялся отца, но однажды, как-то сразу и неожиданно полюбил его (121).

¹⁰ Здесь усматривается аналогия с биографией Горького, воспитывавшегося под зорким взглядом, отнюдь не благосклонно относящемуся к нему деду. Кажется также, что в фигуре отца Матвея проступают черты старика Каширина.

Сближение сына с отцом не случайно. Оно происходит в праздничный пасхальный день, во время обновления жизни природы. Повествователь отмечает первые признаки весны, весенний запах согреваемой солнцем земли, подчеркивает праздничное настроение и внешний вид главного героя. «Матей в розовой рубашке из канауса, ходил по двору вслед за отцом, любуясь блеском солнца на лаковых голенищах сапог» (121).

Настроение праздничного весеннего дня (сфера *sacrum*) по принципу дисгармонии нарушается неприятным событием (Савелия Кожемякина укусила собака и он тут же застрелил ее), опережающим ряд скандальных сцен в повести, свидетелем и участником которых является молодой Кожемякин. В следствие выстрела возникает пожар. Все это поражает сознание ребенка. Тем не менее происшедшее способствует зарождению духовной близости сына с отцом:

Тятя, у собаки есть душа?

– Ну зачем ей! – молвил отец.

Помолчав мальчик тихонько протянул:

– Ка-ак он на тебя фыркнул, огонь то!

Отец положил на голову ему тяжелую мохнатую руку и необычно ласково заговорил: Жаль собаку-то! Девять лет жила. Ну однако хорошо, что она меня цапнула. Вдруг бы тебя, а? Господи помилуй!

Лицо его покраснело, рыжие брови сурово сдвинулись опустились на глаза. Но это не испугало Матвея, он ещё больше пододвинулся к отцу, ощущая теплоту его тела (123).

Диалог отца с сыном, выполняющий в произведении информационную и характеризующую функции, является одновременно и отражением их взаимоотношений. В приведённом диалоге, обрамленном авторским словом подчёркивается основная, биологическая связь между ними.

Попытки сближения сына с отцом и построения настоящего родового космоса, сменяют в произведении факторы решающие о разрушении родовых связей. Одной из главных причин ухудшения семейных взаимоотношений родителя с сыном является женитьба Савелия Кожемякина. Несмотря на то, что решение Савелия о своей женитьбе вызвано якобы заботой о ребёнке, лишённом материнского тепла, то взрослеющий парень замечает:

После свадьбы дома стало скучнее: отец словно в масле выкупался – стал мягкий, гладкий, расплывчато улыбался в бороду, он ходил – руки за спиной – по горницам, мурлыкая подобно сытому коту, а на людей смотрел, точно вспоминая – кто это? (152–153).

В приведенных словах обозначена еле заметная неприязнь сына по отношению к отцу. В своей оценке герой ссылается на биологически-инстинктивное, звериное в характере и поведении отца. Подобное сравнение, но с противоположным смыслом появляется в восприятии героем образа мачехи:

И теперь, ставя рядом с отцом мачеху, белую и чистую, точно маленькое облако ясный день весны, он чувствовал обиду за отца (177).

Вопреки традиционной отрицательной коннотации понятия «мачеха», бытующей в культурном сознании многих народов, образ Палаги в горьковской «саге» отвечает архетипу матери и сестры. Образ же биологического отца, далёк от традиционной архетипической схемы. В его изображении преобладают натуралистические элементы: «Имя его [отца – Д. Ш.] дохнуло на юношу холодом: он вспомнил насмешливые хищные глаза [аллюзия к животному миру – Д. Ш.], брезгливо оттопыренную губу и красные пальцы пухлых рук» (183).

В общем лексическом наборе особое значение в горьковском произведении получает слово «скука», создающее своеобразный лейтмотив повести. Этот мотив отражает внутреннее состояние Матвея и его мачехи. Их сближает эта общность чувств, настроений и эмоций. Скука вызвана внешними причинами: стагнацией окуривской жизни, отсутствием интереса ко всему, что нарушает заведённый «порядок». С другой стороны появление в доме Кожемякиных молодой женщины нарушает «покой» и заодно ускоряет действие повести (уход сторожа Созонта, пытавшегося вырвать Палагу из цепких савельевых рук, конфликт Матвея с Савкой, в следствие которого происходит жестокая расправа с рабочим). В этом контексте более понятной становится связь героя с мачехой, олицетворением покоя и чувствительности.

Подводя итоги, стоит напомнить, что польский исследователь творчества Горького, Ежи Ленарчик, давно обратил внимание на факт сосуществования в оформлении горьковской повести нескольких жанровых разновидностей, семейную хронику выдвигая на план первый¹¹. Поддерживая эту точку зрения, можно с уверенностью сказать, что «семейная мысль» действительно занимала важное место в творчестве писателя (*Фома Гордеев*, *Дело Артамоновых*, драма *Васса Железнова* и др.), И несмотря на то, что Горький не придавал особого значения жанровой выразительности своих

¹¹ *Maksym Gorki. Materiały zebrzał i wstępem opatrzył Jerzy Lenarczyk. Wydawnictwo PZWS, Warszawa 1966.*

произведений, то принципы научного исследования, учитывающего логическое мышление, требуют от литературоведа изучения законов и категорий художественного творчества.

References

- Golsuorsi, Dzhon. *Saga o Forsaytakh: Sobstvennik*. Perevod N. Volzhinov. Moskva: Izd. "Izvestiya", 1958.
- Gorkiy, Maksim. *Sobranie sochinenii: v 30-ti tt.* Moskva, 1970. Vol. 9.
- Literatutnaya entsiklopedia: v 11-ti tt.* Moskva: Khudozhestvennaya Literatura, 1937. Vol 10.
- Maksym Gorki*. Materiały zebrał i wstępem opatrzył Jerzy Lenarczyk. Warszawa: Wydawnictwo PZWS, 1966.
- Pospišil, Ivo. *Powieść-kronika. Materiały do słownika rodzajów literackich*. "Zagadnienia Rodzajów Literackich" 1991, z. 1.
- Pospišil, Ivo. *Ruska romanova kronika (prispivek k historii a teorii žanru)*. Brno, 1986.
- Semenova, Aleksandra. *Transformatsiya drevnerusskoi agiograficheskoi traditsii v povesti M. Gorkogo "Zhyzn Matveya Kozhemyakina"*. In: *Soprazhenie ideii... Soprazhenie smyslov. Sbornik statei*. Velikii Novgorod, 2015: 56–65.
- Szymonik, Danuta. *Rosyjska powieść rodzinna Srebrnego wieku*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003.